

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

HISTORY OF EVERYDAY LIFE: EVENTS AND DESTINIES

УДК 94(571)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90

Юрий Михайлович Гончаров,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: yuriig@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>

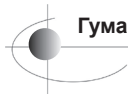
Лидия Михайловна Дмитриева,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: dmitrlm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века

В работе освещается семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Актуальность темы исследования обусловлена слабой изученностью истории семейной жизни поляков в дореволюционной Сибири, а также важностью института семьи в жизни общества. Поляки в Сибири представляли собой специфическую национально-конфессиональную группу. На их семейную жизнь большое влияние оказывали особенности формирования польской общины в регионе, а также местные социальные и демографические особенности. Цель данной работы – рассмотреть особенности формирования семейного строя и семейной жизни поляков Сибири второй половины XIX – начала XX в. с учётом этносоциальной специфики региона. Методологическую основу исследования составили концепция фронтального существования культур и теория модернизации. Ссылные, попавшие в Сибирь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – здесь заключались браки, рождались и воспитывались дети. Сложности адаптации в суровом крае, особенно для ссылных, делали необходимым искать опору, прежде всего в родственниках и членах семьи, поскольку кооперация способствовала выживанию. Демографические характеристики польских семей имели в данный период значительную специфику в отличие от других национальных групп. Распространённость смешанных браков поляков с представителями других христианских конфессий в пореформенной Сибири говорит об интенсивности этнокультурных взаимодействий. Семьи, смешанные в национальном отношении, нередко демонстрировали соединение элементов духовной культуры разных народов. Религиозные моменты (принадлежность супругов к разным конфессиям) нередко не играли важной роли. Воспитанные в таких семьях дети демонстрировали уважительное отношение к культуре своих родителей, к своим корням, а внутри семей вырабатывалась конфессиональная и национальная терпимость.

Ключевые слова: Сибирь, семья, поляки, община, диаспора, демография, повседневная жизнь

Yuriy M. Goncharov,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: yuriig@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>

Lidiya M. Dmitrieva,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: dmitrlm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Family Life of Poles in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

The article is devoted to the family life of the Poles in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. The relevance of the research topic is due to the weak study of the history of family life of the Poles in pre-revolutionary Siberia, as well as the importance of the family institution in society. The Poles in Siberia were a specific national-confessional group. Their family life was greatly influenced by the formation of the Polish community in the region, as well as local social and demographic characteristics. The aim of this work is to examine the features of formation of family building and family life of poles in Western Siberia in the second half of the 19th – early of the 20th century, given the social circumstances in the region. The methodological basis of the research is the concept of frontier existence of cultures and the theory of modernization. Exiles who came to Siberia for many years tried to live a full life: they got married, children were born and brought up. The difficulties of life in the harsh region, especially significant for exiles, forced them to look for support, first, in family members and relatives, since family cooperation helped them survive. The demographic characteristics of Polish families during this period were significantly specific in contrast to other national groups. The prevalence of mixed marriages of the Poles with representatives of other Christian denominations in post-reform Siberia indicates the intensity of ethno-cultural interactions. In the resulting ethnic-mixed families, in most cases, a combination of elements of the spiritual culture of various peoples of the region was found. At the same time, religious issues usually receded into the background. Children raised in such families perceived a respectful attitude to their parents' past, to their origin, and national and religious tolerance was developed in family life.

Keywords: Siberia, family, the Poles, community, diaspora, demography, everyday life

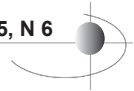
Введение. История польской диаспоры в Сибири интересная и научно значимая проблема. Существует значительный круг работ, особенно на польском [25], русском [15] и английском [22; 26] языках, посвящённых различным аспектам сибирской исторической колонии. Тем не менее, при наличии широкого круга публикаций по польско-сибирской истории далеко не все аспекты истории польских общин региона привлекали внимание специалистов. Например, практически отсутствуют исследования истории семьи и семейной жизни поляков в крае «изгнания и ссылки». Конечно, существует обширное число публикаций, посвящённых истории отдельных семей, родов, персоналий. Однако тема польской семьи в дореволюционной Сибири, т. е. семейного строя, семейной жизни, семейных отношений, практически не рассматривалась. Существуют только отдельные работы, в которых поднималась данная проблематика [21].

Исследование семьи и семейной жизни имеет большое значение, поскольку позволяет подробнее рассмотреть широкий круг проблем, связанных с историей поляков в Сибири: процессы межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, практи-

ки адаптации и аккультурации, культурные связи и т. д. Весьма важны и демографические аспекты темы исследования, т. к. брак и семья представляют собой особые социальные институты, в которых воплощается социальный характер демографических процессов и через которые проявляется воздействие на демографические процессы социально-экономических факторов [2, с. 3]. В частности исследователями отмечалось, что для многих демографических параметров семьи, таких как людность (количество) детей, средний возраст вступления в брак, размер и структура семей, отмечается значительная этнорегиональная дифференциация [6, с. 240].

Цель работы – рассмотреть особенности формирования семейного строя и семейной жизни поляков Сибири второй половины XIX – начала XX в. с учётом этносоциальной специфики региона.

По истории поляков дореволюционной Сибири сохранился широкий круг источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические исследования, материалы периодической печати, эго-документы (мемуары, дневники, письма).

Тема данной работы актуальна и научно значима, поскольку позволяет заполнить «белые пятна» (лакуны) польско-сибирской истории, раскрыть с новой точки зрения межэтнические взаимоотношения в регионе, осветить важность института семьи в практиках адаптации диаспорального народа в регионе интенсивной колонизации.

Методология и методы исследования. В основе методологии исследования положена теория фронтирного существования культур, а также и теория модернизации. Теория модернизации, предающая большое значение трансформации именно семейного строя и семейных ценностей в процессах модернизма, позволяет успешно решить задачи исследования. Теория фронта (осваиваемой границы), которая активно используется историками при изучении истории Сибири, позволяет рассмотреть формирование определённых моделей поведения различных социальных групп в процессе освоения фронтирного пространства.

Изучаемый предмет располагается на стыке нескольких наук, что определяет выбор используемых конкретных методов исследования. Одним из ключевых является системный метод, т.к. даёт возможность рассмотреть семейную жизнь поляков в Сибири в системе государственных и общественных институтов Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. В работе также использовались историко-хронологический, историко-типологический и историко-генетический методы. Важную роль сыграл просопографический (биографический) метод, который позволяет раскрыть суть межкультурной коммуникации в обществе данного времени путём рассказа о лицах и судьбах, связанных с изучаемыми явлениями.

Результаты исследования и их об-суждение. В XIX в. происходило формирование польской диаспоры в Сибири. При этом значительное число поляков попадали в Сибирь как ссыльные. Так, массовое выселение поляков произошло после подавления восстания 1863 г.

Сословный состав ссыльных был разнообразен, кроме значительного числа дворян – самых активных повстанцев, среди ссыльных было много людей податных сословий. В Сибири их, как и шляхтичей, лишённых прав состояния, переводили в состояние сословие государственных крестьян, облагали окладом и предоставляли пособие на обустройство хозяйством. Сосланных без лишения прав дворян селили

временно «на жительство». Некоторые из них вернулись в 1868–1878 гг. на родину. Большинство крестьян и мещан ссылали на поселение. Крупными партиями их с семьями водворяли в старожильческие селения. В период 1865–1867 гг. партии более 1 тыс. человек из Западного края и Царства Польского прибывали в регион регулярно [5, с. 55, 56]. По подсчётам исследователей, только в Западную Сибирь в 1860-е гг. было сослано примерно 20 тыс. поляков [9, с. 13]. Только в 1883 г. ссыльные в Сибирь поляки получили «высочайшее прощение», после чего значительная часть их вернулась на родину [10, с. 186].

Данные Первой всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что только в Западной Сибири проживали 13 294 поляка, из которых 5 963 – в Тобольской губернии и 6 328 – в Томской, в Омском округе Акмолинской области – 949 человек¹. Всего же в Сибири (вместе с Дальним Востоком), по официальным данным, проживало 29,5 тыс. поляков [23, с. 75, 76].

В дальнейшем, в результате новых политических репрессий конца XIX – начала XX в. в Сибирь прибывали всё новые партии польских политических ссыльных. Нужно отметить, что в южных округах Западной Сибири расселяли в основном административных ссыльных, а в северных (Нарымский край Томской губерния, Березовский и Туринский округа Тобольской губерния), а также в Восточной Сибири – ссыльнопоселенцев [14, с. 143–146]. Характерным моментом было то, что в это время увеличивается также число поляков добровольно переселявшихся в регион, а кроме того врачей, чиновников, военнослужащих польской национальности, которые переезжали в Сибирь по долгу службы или для карьерного роста.

Поляки, поселившиеся на отдалённой окраине империи, активно включались в хозяйственную и культурную жизнь региона. Постепенно в Сибири появляются католические костёлы [12], учебные заведения при католических приходах [17]. Ссыльные, оказавшиеся здесь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – заключались браки, рождались и воспитывались дети.

При исследовании семейного строя значительный интерес представляет соотно-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 78: Тобольская губерния; т. 79: Томская губерния; т. 81: Акмолинская область.– СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1899–1905. – 334 с.

шение полов среди представителей разных национальностей, проживавших в регионе. Естественно, что среди ссыльных польских повстанцев женщин числилось немного, большинство были мужчинами. Например, историк О. Н. Шулбаев, характеризуя состав ссыльных поляков по Минусинскому округу за 1867 г., отмечает, что в округе насчитывалось 165 мужчин и 1 женщина дворянского

звания, а также 73 мужчины и 1 женщина из непривилегированных сословий [19, с. 105]. Значительно большим был процент женщин в списках лиц, добровольно отправившихся за мужьями в ссылку, что позволялось существовавшим законодательством. Для них уже сам путь в место отбывания наказания супругов являлся настоящим подвигом [18, с. 30] (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение полов по национальностям в городах Западной Сибири (1897)¹

Национальность	Тобольская губерния					Томская губерния				
	мужчины		женщины		женщин на 1 000 мужчин	мужчины		женщины		женщин на 1 000 мужчин
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
Русские	39 617	50,4	38 924	49,6	984	58 440	50,5	57 185	49,5	980
Украинцы	829	62,1	505	37,9	610	547	66,1	280	33,9	513
Поляки	1 187	61,3	749	38,7	631	1 033	62,2	632	37,8	571
Немцы	226	65,3	120	34,7	531	319	58,4	227	41,6	712
Евреи	959	50,4	944	49,6	984	2 472	49,9	2 477	50,1	1004
Татары	992	63,1	581	36,9	585	1 286	55,4	1 035	44,6	805

Из табл. 1 видно, что соотношение полов у различных национальностей, проживавших в городах Западной Сибири в конце XIX в., сильно различается. Более пропорциональным была численность мужчин и женщин среди русских (980–984 женщин на 1 000 мужчин), а также среди евреев (984 на 1 004). Такое соотношение было важным условием преобладания национально однородных браков. Среди поляков, украинцев, немцев и татар отмечалось преобладание мужчин, что приводило к сложности создания семьи со своей соплеменницей.

В целом, по Сибири, половая диспропорция была ещё больше. Так например, по подсчётам В. А. Скубневского, в 1897 г. из проживавших в Сибири 24 505 человек, назвавших своим родным языком польский, 17 099 (69,8 %) составляли мужчины, женщины же – только 7 406 (30,2 %). Самая низкая доля женщин среди поляков отмечалась в Якутии (16 %). В Иркутской губернии и Забайкалье женщин насчитывалось немногим более 25 %, в то время, как в Енисейской губернии – 26,1 %, Томской – 34 %, а в Тобольской уже – 36 % [23, с. 77]. Таким образом, чем дальше на восток, тем ниже доля женщин среди польского населения.

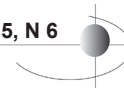
Отмеченные диспропорции полового состава польской общины региона во многом были обусловлены ссылкой. В отличие от евреев, следовавших в сибирскую ссылку вместе с семьями, только немногие из поля-

ков прибывали в ссылку со своими жёнами и детьми. Например, из 316 ссыльных поляков, проживавших в 1860-х гг. на Алтае, с семьями прибыли всего лишь 13 человек [11, с. 180, 181].

Нужно отметить, что случаи, когда жёны следовали в сибирскую ссылку за своими мужьями, встречались довольно часто. Так например, своего мужа С. Палинского, в 1897 году сосланного в Среднеколымск – «один из наиболее далеких и оторванных от всего мира населённых пунктов на крайнем севере Якутии», в ссылке сопровождала жена Феликса, урождённая Гуминьская, пожелавшая разделить судьбу мужа [3, с. 80, 81].

Сложности жизни на далёкой окраине с суровым климатом делали необходимым искать опору в родственниках и членах семей, поскольку именно семейная помощь помогала выживанию. Например, в 1865 г. водворённый на поселение в деревне Старый Тартас Усть-Тартасской волости Ковальский Тит Францевич писал, что после выписки из Вознесенского этапного лазарета, его должны были отослать в Томск. При этом испрашивал разрешения остаться по-прежнему в Усть-Тартасской волости, т. к. «...сверх ожидания встретил... водворенного в здешней волости сродного брата, живя с которым... будет легче переносить все противности и препятствия, встречаемые на каждом шагу при сегодняшнем положении на чужбине» [7].

¹ Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1899–1905. – Т. 78: Тобольская губерния. – С. 76, 77; т. 79: Томская губерния. – С. 10.

Важный вопрос, который стоит затронуть, характеризуя брачные отношения сибиряков-поляков, это вопрос о семейном положении. Материалы переписи 1897 г. позволяют подробно рассмотреть семейное состояние различных национальных групп населения в конце XIX в. (табл. 2). Статистические данные показывают значительные отличия распределения населения по семейному состоянию у поляков, русских и евреев.

Так, доля холостых и девиц среди польского населения значительно ниже: холостые составляли 46,2 % мужчин, девицы – 48,2 % женщин (у русских соответственно – 54,8 и 51,1, у евреев – 60,6 и 55,5). Это объясняется спецификой поло-возрастной структуры польского населения, прежде всего, незначительной долей детей и молодёжи и связано со спецификой формирования польской общины в Сибири, т. е. со ссылкой.

Таблица 2

Семейное состояние русских, поляков и евреев в Томской губернии (1897)¹

Национальность			Холостые и девицы	Состоящие в браке	Вдовы	Разведённые	Не указавшие семейное положение	Итого	
Русские	в городах	м.	абс.	32 432	23 875	2 567	59	78	59 011
			%	54,6	40,5	4,4	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	28 317	22 508	6 452	79	121	57 477
			%	49,3	39,2	11,2	0,1	0,2	100
	в округах	м.	абс.	44 6609	334 200	34 042	498	524	815 873
			%	54,7	41,0	4,2	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	424 822	348 550	54 977	519	698	829 566
			%	51,2	42,0	6,6	0,1	0,1	100
	в губернии	м.	абс.	479 041	358 075	36 609	557	602	874 884
			%	54,8	40,9	4,2	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	453 139	371 058	61 429	598	819	887 043
			%	51,1	41,8	6,9	0,1	0,1	100
Поляки	в городах	м.	абс.	549	402	78	2	2	1 033
			%	53,1	38,9	7,6	0,2	0,2	100
		ж.	абс.	293	249	89	1	–	632
			%	46,3	39,4	14,1	0,2	0	100
	в округах	м.	абс.	1 396	1 504	259	8	6	3 173
			%	44,0	47,4	8,2	0,3	0,2	100
		ж.	абс.	759	669	120	–	1	1 549
			%	49,0	43,2	7,7	0	0,1	100
	в губернии	м.	абс.	1 945	1 906	337	10	8	4 206
			%	46,2	45,3	8,0	0,2	0,2	100
		ж.	абс.	1 052	918	209	1	1	2 181
			%	48,2	42,1	9,6	0,0	0,0	100
Евреи	в городах	м.	абс.	1 501	902	61	7	1	2 472
			%	60,1	36,5	2,5	0,3	0,0	100
		ж.	абс.	1364	940	164	8	1	2 477
			%	55,1	37,9	6,6	0,3	0,0	100
	в округах	м.	абс.	808	491	37	1	1	1 338
			%	60,4	36,7	2,8	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	747	489	85	3	–	1 324
			%	56,4	36,9	6,4	0,2	0	100
	в губернии	м.	абс.	2 309	1 393	98	8	2	3 810
			%	60,6	36,7	2,6	0,2	0,1	100
		ж.	абс.	2 111	1 429	249	11	1	3 801
			%	55,5	37,6	6,6	0,3	0,0	100

¹ По источнику: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. -- Т. 79: Томская губерния. – СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел. – С. 132, 133.

Интересными являются и национально-конфессиональные особенности людности (количественного состава) семьи. Национальные различия средней людности семей позволяют рассмотреть переписные листы Первой всероссийской переписи 1897 г., сохранившиеся по Тобольской губернии: в г. Тобольске средняя людность семей евреев составляла 6,8 человек, татар – 5,5, поляков – 4,5, русских – 3,9, немцев и эстонцев – по 3,5¹.

В польском населении Тобольска средний возраст женихов в первом браке – 31,3 года, во втором – 43,2; средний возраст невест в первом браке – 20,1 года, во втором – 34,3. В 1878–1890 гг. в первых браках мужчины были в среднем на 9,9 лет старше своих жён, во вторых – на 17,3 года².

Детям, родившимся в Сибири, родители поляки предпочитали давать имена, распространённые в их национально-культурной среде. По данным метрических книг Томского римско-католического прихода за 1834–1860 гг., среди новорождённых девочек наиболее популярными именами были Мария, Анна, Екатерина, Магдалена, Марта, Юзефа, Ядвига, а среди мальчиков, кроме имён Иван, Николай, Александр, Иосиф встречались также Владислав, Станислав, Витольд, Казимир, Викентий, Альфонс. Характерно, что данные имена давались независимо от того, в какой семье родились дети: в семье крестьян или в семье, занимавшей более высокое положение (учителей, чиновников, офицеров). Распространённость польских имён у родившихся в регионе детей говорит о том, что быстрой ассимиляции поляков в Сибири не обнаруживалось [13, с. 134, 135].

На рубеже XIX–XX вв. увеличивается количество поляков, прибывавших в Сибирь добровольно. Кроме того, насчитывалось довольно значительное число поляков, находившихся на военной (как нижних чинов, так и офицеров) и гражданской службе. Многие из них приезжали в Сибирь со своими семьями. Так, в Томске немало поляков служили в государственных и административных органах, а также в образовательных учреждениях. Например, ещё в середине XIX в. в Томской губернской гимназии преподавали несколько поляков: Иосиф Гайдынский, Игнатий Чыгир, Кжижановский. Вместе с ними в Томске проживали и их семьи [Там же, с. 133].

¹ Государственный архив в г. Тобольске. ГА в г. Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 1–38.

² Там же. – Ф. 156. – Оп. 30. – Д. 35.

Важен вопрос о межнациональных браках. В соответствии с законодательством, заключению смешанных христианских браков между католиками и православными РПЦ не препятствовала, однако требовалось получить от римско-католического духовенства подтверждение о внебрачном состоянии и правоспособности желающих заключить брак [4, с. 51, 52].

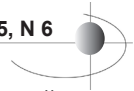
Указом 1891 г. порядок заключения браков между католиками и православными был изменён. Устанавливалось, что как временная мера: «брак лица римско-католического исповедания с лицом православного исповедания может быть оглашен в одной православной церкви» [20, с. 177]. Данное положение облегчило заключение браков с участием поляков в Сибири, где костёлы располагались только в губернских городах.

Преобладание у польского населения региона мужчин обусловило широкое распространение межнациональных браков. Современники писали, что поляки часто женились на православных женщинах и в результате этого «осибирячивались»: «Другой поляк... хотя и утратил все связи с Польшей, но тоже гордился, что он поляк, несмотря на то, что имел жену сибирячку и взрослых детей, не умевших говорить по-польски» [1, с. 39].

С. В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга» писал о «доказанной опытом силе влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири». Он говорил, что поляки «сначала пленившись сходством родного языка с русским, забывают родную речь, потом, увлекшись девицею-сибирячкой, женятся и под влиянием среды и обаятельной жены отстают от обычая; в итоге сын поляка уже человек православной веры и коренной сибиряк» [8, с. 338, 362].

Для части поляков проблема смешанных браков с русскими православными была довольно болезненной. Сторонники «чистоты польской национальности» считали семьи, в которых один из супругов исповедует православие, разрушают «польский дух». Ю. Ручинский, сосланный на каторгу, вспоминал, как на собрании польского землячества *Ogół wugnańców* его соотечественники решили не вступать ни в какие контакты с местными дамами, поскольку такое обращение «в крае диком и заполненном бродягами было небезопасно и даже угрожающе» [13, с. 129].

Однако факты красноречиво свидетельствуют и о другой тенденции, а факты создания семьи польских ссыльных с сибир-

рячками польских ссыльных насчитывались сотнями.

На сибирячке Мавре Павловне был женат известный геолог Ян Черский, учёный-археолог, польский ссыльный Миколай Витковский и многие другие [18, с. 93].

Распространённость смешанных браков среди сибирских поляков отмечает и О. Н. Шульбаев: «...Многие ссыльные поляки, находясь на поселении в Минусинском округе, заключали брак с местными девушками... Так, например, на местных уроженках были женаты Ян Мерле, Валерий Козловский, Владислав Левицкий, Валентий Андрешкевский...» [19, с. 124]. В других регионах страны, куда ссылались поляки, например, в Вятской губернии, смешанные браки между ссыльными поляками (католиками) и русскими женщинами (православными) и даже переход для заключения брака из католицизма в православие был весьма частым явлением ещё в 60–70-х гг. XIX в. [16, с. 32].

Спокойнее всего к этой ситуации относились крестьяне. Как писал современник о польских крестьянах, сосланных в Сибирь за участие в национально-освободительном восстании: «Конечно, повстанцы из крестьян охотно устраивались на земле, заводили своё хозяйство, и теперь, через 40 лет их нельзя было отличить от сибирских старожил: они имели такие же дома, хозяйство, скот, женились на сибирячках» [1, с. 31].

Один из современников приводил слова старого поляка, прожившего долгие годы в Сибири, женатого на сибирячке, имеющего детей: «Мы живём здесь, у меня русская жена и дети чалдоны, а я здесь чужой; здесь и земля не наша и небо не наше!» [Там же, с. 43].

Б. С. Шостакович приводит пример семьи Локуциевских. Ссыльный повстанец Анатолий Локуциевский (Локучевский) после получения права возвращения на родину предпочёл остаться в Сибири и женился на сибирячке. В Сибири родились и жили несколько поколений этой семьи. При этом дети владели не только русским, но и польским языком, в семье выписывали польскую и русскую литературу, сохраняя культурную традицию и поляков, и русских [18, с. 93].

Заключение. Формирование польской диаспоры в Сибири имело ряд особенностей. Значительная часть польского населения оказалась в регионе в результате ссылки. В силу этого отмечались значительные половые диспропорции, связанные с преобладанием мужчин (до 70 % в конце XIX в.). Поселившись на отдалённой окраине Российской империи, поляки активно включались в хозяйственную и культурную жизнь региона. Ссыльные, попавшие в Сибирь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – здесь заключались браки, рождались и воспитывались дети, опору искали в семье и родственниках.

Существовали определённые отличия распределения польского населения по семейному состоянию по сравнению с другими национальными группами. В частности, доля холостых и девиц среди польского населения была значительно ниже, чем у русских и евреев. Средняя людность семей поляков составляла примерно 4,5 человек на семью и была ниже, чем у евреев и татар, но выше, чем у русских и немцев, проживавших в городах региона. Средний возраст вступления в первый брак у женихов был 29–31 год, у невест – 20–22. Соответственно, средняя разница в возрасте супругов составляла 7–10 лет и имела тенденцию к уменьшению. Вероятность вступления в повторный брак у женщин была значительно ниже, чем у мужчин.

Практика сибирских поляков давать при крещении детям, родившимся в Сибири, польские имена, говорит о том, что быстрой ассимиляции поляков в регионе не отмечалось.

Многочисленность смешанных браков поляков с сибирячками говорит об тесных этнокультурных контактах среди народов Сибири. Современники писали, что в смешанных семьях чаще всего наблюдалось соединение элементов духовной культуры различных национальностей, религиозные же различия большого значения не имели. Детей, воспитанные в таких семьях, воспринимали уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, росли в обстановке национальной и религиозной терпимости.

Список литературы

1. Анисимов С. Исторический город Ялуторовск. М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 68 с.
2. Брак и семья: демографический аспект. М.: Статистика, 1975. 224 с.

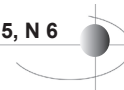
3. Гиза А. Воспоминания Станислава Палиньского как материал к истории ссылки поляков в Восточную Сибирь на рубеже XIX–XX веков // Сибирско-польская история и современность. Иркутск: [б. и.], 2001. С. 80, 81.
4. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АГУ, 2002. 384 с.
5. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 230 с.
6. Комарова О. Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М.: РАН, 1990. С. 240–255.
7. Майничева А. Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX века). Текст: электронный // Сибирская заимка. URL: http://www.zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml (дата обращения: 16.10.2020).
8. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1900. 487 с.
9. Митина Н. П. «Во глубине сибирских руд». К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М.: Наука, 1966. 144 с.
10. Нам И. В. Формирование этнодисперсионных групп в составе населения Сибири в XIX – начале XX века // Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 182–191.
11. Никулина И. Н. К вопросу о пребывании польских политических ссыльных на Алтае в 60-е годы XIX века // Актуальные вопросы истории Сибири: III науч. чт. памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: АГУ, 2002. С. 180, 181.
12. Оплаканская Р. В. Из истории формирования Томского римско-католического прихода во второй четверти XIX века // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. Вып. 5. С. 24–37.
13. Оплаканская Р. В. Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX века) // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. С. 123–137.
14. Островский Л. К. Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск: Наука, 1987. С. 143–146.
15. Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. 776 с.
16. Подлевских Л. Г. Гендерный аспект в изучении истории польской политической ссылки в Российской империи 60–70-х годов XIX века // Женская повседневность в России в XVIII–XX веках. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. С. 29–32.
17. Титова Т. Г. Католические учебные заведения в Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. С. 53–64.
18. Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX века). Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. 165 с.
19. Шулбаев О. Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825–1895 годы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Абакан, 2000. 182 с.
20. Янгель Т. Я. Христианские смешанные браки // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск: [б. и.], 2001. С. 176–178.
21. Gonczarow Jurij M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku // Zestawienie. 2007. № 29. S. 33–48.
22. Kats N., Storella C. Jews, Germans, and Poles in Siberia: New Research in the Study of the Siberian Population in the 19th – Early 20th Centuries // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 181–194.
23. Skubniewski W. A. Polacy na Syberii w świetle materiału pisma powszechnego z 1897 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. 1999. № 3. S. 73–82.
24. Shaidurov V. N. On the Emerging Polish Diaspora and its Development in Siberia in the First Half of the 19th Century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. No. 9. P. 2496–2506.
25. Shaidurov V. N. The Siberian Polonia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Polish Historiography // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2017. № 8. S. 11–21.
26. Shaidurov V. The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century // Acta Histriae. 2018. Vol. 26, Is. 2. P. 641–660. DOI 10.19233/AH.2018.26.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020; принята к публикации 25.09.2020

Сведения об авторах

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: yuriig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>.

Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Вклад авторов в статью

Ю. М. Гончаров – основной автор, осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

Л. М. Дмитриева – проводила систематизацию материала, оформление статьи, а также поиск информации в исторических источниках.

Источники финансирования статьи

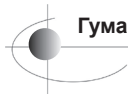
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.»

Библиографическое описание статьи

Гончаров Ю. М., Дмитриева Л. М. Семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 81–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90.

References

1. Anisimov, S. Historical city of Yalutorovsk. Moscow: Publishing house of All-Union society of political prisoners, 1930. (In Rus.)
2. Marriage and family: Demographic aspect. Moscow: Statistics, 1975. (In Rus.)
3. Giza, A. Memoirs of Stanislaw Palinsky as a material for the history of the exile of poles to Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. In Siberian-Polish history and modernity. Irkutsk, 2001: 80–81. (In Rus.)
4. Goncharov, Yu. M. Urban family of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Barnaul: ASU, 2002. (In Rus.)
5. Karikh, E. V. Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development of the XIX – early XX century. Tomsk: publishing house of the Tomsk University, 2004. (In Rus.)
6. Komarova, O. D. Demographic aspects of studying the family. In Family: traditions and modernity. Moscow: RAS, 1990: 240–255. (In Rus.)
7. Mainicheva, A. Yu. Polish settlers in the Tomsk province (middle of the XIX century). Web. 16.10.2020. http://www.zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml. (In Rus.)
8. Maksimov, S. V. Siberia and Exile. Saint Petersburg: Publishing house of V. I. Gubinsky, 1900. (In Rus.)
9. Mitina, N. P. In the depth of Siberian ores. To the centenary of the uprising of Polish exiles on the Circum-Baikal tract. M: Nauka, 1966. (In Rus.)
10. Nam, I. V. The formation of ethnodispersion groups in the population of Siberia in the XIX – early of the XX century. In American and Siberian frontier. Tomsk: TSU, 1997: 182–191. (In Rus.)
11. Nikulina, I. N. On the question of the stay of Polish political exiles in the Altai in the 1860s. In Actual problems of the history of Siberia. Proceedings of the 3th Scientific Conference in memory of Professor A. P. Borodavkin. Barnaul: ASU, 2002: 180–181. (In Rus.)
12. Oplakanskaya, R. V. From the history of the formation of the Tomsk Roman Catholic parish in the second quarter of the XIX century. In Questions of the history of Siberia of the XX century, no. 5, pp. 24–37, 2001. (In Rus.)
13. Oplakanskaya, R. V. Zemlyachestva of the Poles in Siberia as a factor of preserving national identity in a different ethno-cultural environment (the first half of the XIX century). In Siberian melting pot: socio-demographic processes in Northern Asia of the XVI – early XX century. Novosibirsk: Siberian chronograph, 2004: 123–137. (In Rus.)
14. Ostrovsky, L. K. The number, composition and placement of Polish political exiles in Siberia (mid-1890s – 1917). In Socio-economic relations and class struggle in Siberia of the pre-October period. Novosibirsk: Nauka, 1987: 143–146. (In Rus.)
15. Ostrovsky, L. K. Poles in Western Siberia at the end of the XIX – first quarter of the XX century. Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk, 2015. (In Rus.)
16. Podlevskikh, L. G. Gender aspect in the study of the history of Polish political exile in the Russian Empire in 1860–70s. In Women's everyday life in Russia in the XVIII–XX centuries. Tambov: TSU publishing house, 2003: 29–32. (In Rus.)
17. Titova, T. G. Catholic educational institutions in Western Siberia (late of the XIX – early of the XX century). In My Siberia: questions of regional history and historical education. Novosibirsk: NGPU, 2002: 53–64. (In Rus.)
18. Shostakovich, B. S. History of the Poles in Siberia (XVII–XIX centuries). Irkutsk: Irkutsk University, 1995. (In Rus.)
19. Shulbaev, O. N. Political exile in the Minusinsk district (1825–1895). Cand. hist. sci. diss. Abakan, 2000. (In Rus.)
20. Yangel, T. Ya. Christian mixed marriages. In Siberian-Polish history and modernity: Topical issues. Irkutsk, 2001: 176–178. (In Rus.)

21. Gonczarow, Jurij M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku. Zesłaniec, no. 29, ss. 33–48, 2007. (In Pol.)
22. Kats, N., Storella, C. Jews, Germans, and the Poles in Siberia: New Research in the Study of the Siberian Population in the 19th – Early 20th Centuries. *New historical Bulletin*, no. 1, pp. 181–194, 2018. (In Eng.)
23. Skubniewski, W. A. Polacy na Syberii w świetle materiałóspisu powszechnego z 1897 r. *Wrocławskie Studia Wschodnie*, no. 3, pp. 73–82, 1999. (In Pol.)
24. Shaidurov, V. N. On the Emerging Polish Diaspora and its Development in Siberia in the First Half of the 19th Century. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 9, pp. 2496–2506, 2016. (In Eng.)
25. Shaidurov, V. N. The Siberian Polonia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Polish Historiography. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, no. VIII, pp. 11–21, 2017. (In Eng.)
26. Shaidurov, V. The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century. *Acta Histriae*, is. 2, pp. 641–660, 2018. DOI 10.19233/AH.2018.26. (In Eng.)

Received: June 2, 2020; accepted for publication September 25, 2020

Information about author

Goncharov Yuriy M., Doctor of History, Professor, Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049; e-mail: yuriig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>.

Dmitrieva Lidiya M., Doctor of Philology, Professor, Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Contribution of authors to the article

Yu. M. Goncharov – is the main author; work on the blocks of the article, reconciliation of grammatical and technical aspects of the work.

L. M. Dmitrieva – work on the blocks of the article, reconciliation of grammatical and technical aspects of the work, search for information in historical sources.

Sources of article funding

The study was financially supported by Russian Foundation for Basic Research and Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project No. 20-59-00010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries”.

Reference to the article

Goncharov Yu. M., Dmitrieva L. M. Family Life of Poles in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 81–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90.